

РЕГИОНАЛЬНАЯ СЕРИЯ «ТРАДИЦИОННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУСОВ»*

О. В. Белова

*Работа выполнена в рамках осуществления проекта
«Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья:
язык и фольклор» (РГНФ-БРФФИ, 13-24-01003)*

В рецензии дается подробный анализ региональной серии «Традиционная художественная культура белорусов», в которой традиция конкретного историко-культурного региона получает комплексное освещение. Уникальность данного издания заключается в том, что авторам удалось воссоздать объемную картину регионального богатства и самобытности основных видов традиционной культуры в ее аутентичных формах, показать народную культуру белорусов как живую традицию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
традиционная художественная культура, белорусы.

Одним из важнейших постулатов изучения традиционной народной культуры является положение о том, что любая этническая культура по природе своей диалектна, т. е. в реальном территориальном и временном пространстве представлена рядом «локальных» вариантов или «культурных диалектов», подобно тому, как любой живой язык на практике реализуется не только через свою литературную «версию», но и посредством местных диалектов.

В связи с этим безусловную ценность для изучения народной духовной и материальной культуры в региональном и ареалогическом аспектах представляют издания, комплексно освещающие традиции тех или иных историко-культурных регионов, в совокупности представляющие этнокультурные данные определенных локальных традиций. Для славянского мира подобный подход в изучении народных обрядов, календаря, верований и т. п. крайне актуален, поскольку в различных этнокультурных традициях Славии до нашего времени хорошо сохранились элементы, свидетельствующие о бытовании самобытных архаических фольклорно-мифологических представлений, о наличии в ментальности носителей традиции преемственности между «славянскими древностями»

* Традиционная мастацкая культура беларусаў / ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. Т. 1. Магілёўскае Падняпроўе (Могилевское Поднепровье). Мінск: Беларуская навука, 2001. 797 с., [цв. ил., рис., ноты]; т. 2. Віцебскае Падзвінне (Витебское Подвинье) Мінск: Беларуская навука, 2004. 910 с. [цв. ил., рис., ноты]; т. 3 (в 2 кн.) Гродзенскае Панямонне (Гродненское Понеманье). Мінск: Вышэйшая школа, 2006. 608 с. и 736 с. [цв. ил., рис., ноты]; т. 4 (в 2 кн.) Брэсцкае Палессе (Брестское Полесье) Мінск: Вышэйшая школа, 2008, 2009. 559 с., 863 с. [цв. ил., рис., ноты, CD-Rom]; т. 5 (в 2 кн.) Цэнтральная Беларусь (Центральная Беларусь). Мінск: Вышэйшая школа, 2011. 847 с., 911 с. [цв. ил., рис., ноты, CD-Rom]; т. 6 (в 2 кн.) Гомельскае Палессе і Падняпроўе (Гомельское Полесье и Поднепровье). Мінск: Вышэйшая школа, 2012, 2013. 910 с., 1231 с. [цв. ил., ноты, CD-Rom].

и развивающимися на их основе инновационными тенденциями.

В настоящее время исследователям народной культуры славян доступна серия изданий, посвященных описанию локальных традиций различных регионов Болгарии (начиная с 1980-х годов вышли в свет тома, представляющие такие области Болгарии, как Родопы, Ловечский край, Сакар, Софийский край, Странджа, Пиринский край и др.) [Пирински край... 1980; Капанци... 1985; Пловдивски край... 1986; Софийски край... 1993; Родопи... 1994; Странджа... 1996; Ловешки край... 1999; Сакар... 2002]. Благодаря таким изданиям можно составить представление об общем и особенном в национальной духовной культуре, об уникальности одних ее черт и универсальности других.

В отечественной этнографии и фольклористике наиболее «успешным» является направление, связанное с публикацией материалов по Русскому Северу — в последнее десятилетие вышли в свет несколько фундаментальных изданий, представляющих разные сферы традиционной культуры региона и разные жанры фольклора [Морозов, Слепцова и др. 1997; Народная культура Русского Севера... 1999; Русский Север... 2004; Дмитриева 2006; Каргополье... 2009]. Хочется надеяться, что и другие регионы России с их богатейшими свидетельствами традиционной старины, также станут предметом комплексного изучения: в 2009 г. вышел в свет капитальный труд «Русские Рязанского края», подготовленный на основе архивных материалов и современных полевых данных [Русские Рязанского края 2009]; с 2013 года специалисты имеют возможность знакомиться с региональными сборниками, посвященными фольклору Нижегородской области, в серии «Фольклорное наследие Нижегородского края» [Фольклорное наследие Нижегородского края 2013, 1; Фольклор Ковернинского района Нижегородской области 2013, 2/1; Фольклор Ковернинского района Нижегородской области 2013, 2/2].

В начале нашего столетия настоящим подарком исследователям восточнославянских культурных ценностей стала серия «Традиционная мастацкая культура беларусаў» («Традиционная художественная культура белорусов»), работа над которой осуществлялась в разные годы Белорусским государственным институтом проблем культуры, Белорусским государственным университетом культуры и искусств, Институтом искусствознания, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси, Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси при поддержке Министерств культуры и информации Республики Беларусь, а также областных управлений по культу-

ре. Работа над серией началась в 1994 году (автор идеи и научный редактор серии — Т. Б. Варфоломеева); серия была задумана как показ современного состояния традиционной культуры по всем шести историко-этнографическим регионам Белоруссии — это Поозерье, Восточное и Западное Полесье, Понеманье, Поднепровье и Центральная Белоруссия. С 2001 по 2013 год вышло в свет шесть томов серии (в 10 книгах). Хочется выразить признательность коллективу энтузиастов, на протяжении многих лет самоотверженно собиравших, анализировавших, систематизировавших и комментировавших огромный фактический материал, чтобы представить народную культуру Белоруссии во всем ее региональном разнообразии.

Главная задача представляемой серии — дать объемную картину регионального богатства и самобытности основных видов традиционной культуры в ее аутентичных формах, показать народную культуру белорусов как живую традицию.

Отличительной особенностью серии, отражающей основной методологический подход к комплексному описанию неоднородного культурного ландшафта Белоруссии и ее фольклорных традиций, является стандартизированная структура всех томов, что наглядно демонстрирует единую методику анализа традиций разных регионов.

Каждый том открывается историко-этнографическим очерком, дающим основные сведения по данному региону, характеризующим особенности его историко-культурного развития, специфику местной устно-поэтической традиции. Далее следуют разделы: «Календарные обычаи и обряды», «Семейные обычаи и обряды», «Необрядовые песни», «Инструментальная музыка», «Танцевальный фольклор», «Народные игры», «Народная проза», «Народный костюм», «Традиционный народный текстиль». Есть также разделы, отражающие специфику местной традиции: так, в том, посвященный Витебщине, включен раздел о гончарстве. Все книги богато иллюстрированы, а «музыкально-хореографические» очерки снабжены большим количеством нотных примеров, схематических рисунков танцевальных фигур, графических расшифровок хороводов и танцев (это важное методическое подспорье для сценической практики); разделы, посвященные ткачеству и народному текстилю, содержат не только фотоиллюстрации, но и подробные схемы-рисунки узоров и кроя (что также крайне ценно для практического использования). Единообразная композиция всех томов облегчает работу и исследователь той или иной темы легко может отыскать нужный материал в соответствующем томе.

Особенностью серии является также то, что она полностью построена на материалах, собранных

во время экспедиций по разным районам Белоруссии начиная с 1990-х годов: в первый том вошли полевые материалы 1993–1995 годов из Могилевской области, при подготовке тома, посвященного Гродненщине, были привлечены материалы 15 экспедиций 1999–2002 годов, во время которых были обследованы 224 населенных пункта и опрошено свыше 750 информантов; в книгах, посвященных Полесью, нашли отражение материалы 19 экспедиций 2000–2002 годов (обследован 231 населенный пункт, зафиксировано около 3000 свидетельств, касающихся материальной и духовной культуры региона). При разработке проекта на каждую область изначально планировалось по три года экспедиций. На самом деле авторы-составители разделов, стремясь не упустить ни одного фрагмента изменяющейся и, к сожалению, в ряде случаев угасающей традиции, продолжают экспедиционный сбор материалов практически до момента сдачи книги в издательство. Таким образом, в распоряжении исследователей теперь находятся издания, представляющие современный срез культурной традиции, содержащие материал, впервые вводимый в научный оборот и дающие богатую базу для сравнения с данными, зафиксированными в ставших классическими сводах Н. Никифоровского, А. Сержпутовского, Ч. Петкевича, М. Федеровского, П. Шейна.

В последнее десятилетие экспедиционный материал фиксируется на высококачественные электронные носители, что делает возможным создание приложений к публикациям в виде компакт-дисков. Впервые в серии электронное приложение дано к четвертому тому. Два компакт-диска включают записи обрядовых, календарных, семейно-бытовых песен, танцев и наигрышей, образцов народной прозы (сказок, легенд, быличек, бытовых рассказов) в аутентичном исполнении. Аудиозаписи устных рассказов сопровождаются расшифровками текстов. Базой для электронного приложения стали материалы, записанные на Брестщине в 1983–2008 годах. Два компакт-диска к пятому («минскому») тому содержат записи полевых материалов 1978, 2006–2010 годов. Это обрядовые календарные и семейные песни и инструментальные наигрыши, необрядовые песни, сказки, легенды, былички, устные бытовые рассказы. В шестом («гомельском») томе также два электронных приложения: записи календарных, семейных, необрядовых песен и инструментальной музыки (первый диск) и аутентичных образцов народной прозы (второй диск).

Сравнивая тома серии, нельзя не отметить постоянное стремление авторского коллектива к совершенствованию подачи материала, его классификации и типологизации.

На общем фоне первый том серии, посвященный Могилевскому Поднепровью, может показаться

наиболее скромным по насыщенности материалом. Однако уже в этом томе были заложены основные принципы издания, сделавшего его поистине энциклопедичным, и разработана методика презентации материала. Все разделы насыщены свидетельствами «из уст народа» — особенно в разделах, посвященных народному календарю, семейной обрядности, факты излагаются не в пересказе собирателей, а путем подборки цитат из интервью с носителями традиции, что позволяет прочувствовать материал «изнутри», понять отношение к нему самих исполнителей.

С первого тома серии соблюдается установка на особо детализированное описание специфических особенностей того или иного региона. Это позволяет исследователю не только увидеть отдельные фрагменты духовной культуры региона на общеполорусском фоне, но и сравнить местные «раритеты» с данными соседних этнокультурных традиций. Например, в календарном разделе первого тома особое внимание уделено колядным играм «Гуляць кашу» (в Хотимском р-не) и «Гуляць аладкі» (в Шкловском р-не), которые имеют соответствия в других регионах Белоруссии (ср. «Пячы ката» в Логойском р-не Минской обл. и «Жаніцьба Цярешкі» в Витебской обл.), до сих пор не были описаны и проанализированы исследователями [ТМКБ 1: 28–31] [1]. Подробно описан также характерный для Могилевщины и Гомельщины обычай «свеча», причем на территории Могилевского Поднепровья он существует в двух разновидностях. От Пасхи до Вознесения фиксируется обычай «спраўляць іконы», «спраўляць свячу» в честь святого или праздника, сопровождающийся обходом полей и освящением озимых, домашнего скота, дворов [ТМКБ 1: 79–81]; на Покров кадку с житом, икону и свечу носили по домам, и хозяева по очереди оставляли «свечу» у себя на целый год [ТМКБ 1: 160].

Картина ареального распределения праздника «свечи» стала полной по выходе в свет заключительного тома серии, посвященного Гомельщине. Среди осенних календарных праздников на Гомельском Поднепровье обрядовые действия со «свечой» (термин обозначает почитаемую икону, переносимую из дома в дом, а также специально изготовленную для этого праздника свечу, иногда имеющую антропоморфный вид; «свечу» по очереди переносят из дома в дом, где она и остается в течение года) приурочены к зимнему Николину дню [ТМКБ 6/1: 394–398]. Традиция «микольской свечи», бытовавшая в Могилевской и Смоленской губерниях в XIX веке, хорошо описана в этнографической литературе [СД 2009: 572–573]. Новый материал показывает, что на территории современной Гомельской области этот обряд имеет четкую географическую

привязку, разделяя Поднепровскую зону Гомельщины на две части: северо-восточную, где он отмечен, и юго-западную, где он не зафиксирован (границей выступает территория Кааликовичского р-на).

Раздел «Народная проза» в первом томе серии скорее лишь намечает картину современного бытования сказок, легенд, преданий, заговоров и малых фольклорных жанров на Могилевщине, чем описывает ее. В подборке совсем не представлены былички (наиболее живой и широко бытующий жанр несказочной прозы, предания — в основном топонимические представляют собой републикацию текстов из издания «*Легенды і паданні*» (Мінск, 1983), заговоры записаны всего от трех информантов. В комментариях указаны лишь данные об исполнителях (или даны ссылки на более ранние публикации), нет отсылок к соответствующим номерам по международной классификации сказочных и легендарных сюжетов (что в наше время является уже обязательным условием эдиционной практики). Отметим, что последовательные ссылки на «Сравнительный указатель сюжетов» (СУС) появляются в серии начиная с третьего тома, что значительно повышает качество комментариев к текстам.

Материалы полевых исследований последних лет и архивные записи говорят о том, что традиция народной прозы на Могилевщине и богаче, и разнообразней, а это значит, что исследователям предстоит еще много работы по введению новых данных в научный оборот.

Сразу же подчеркнем, что ситуация с описанием народной прозы кардинально меняется во втором томе серии, посвященном Витебскому Подвинью. Объем материала увеличен более чем на треть, появились разделы, посвященные быличкам и устным бытовым рассказам, отражающим чрезвычайно интересный этноконфессиональный и этнокультурный контекст, свойственный этому региону. К сожалению, в этом томе отсутствует раздел «Заговоры», но эта лакуна отчасти восполняется другим региональным изданием, специально посвященным этой тематике — «Полоцким этнографическим сборником» (выпуски 2006 и 2011 годов) [Полацкі этнаграфічны зборнік 2006, 1; Полацкі этнаграфічны зборнік 2011, 2].

Возвращаясь к отражению региональных особенностей локальной традиции, отметим, что во втором томе в качестве «маркеров» традиции Поозерья представлен уже упоминавшийся святочный обряд «Жаніцьба Цярэшкі» [ТМКБ 2: 42–44], перенос функций колядных обходов на период, приуроченный к Пасхе (волочёбные обряды), отсутствие традиции святочного щедрования. Уникальными на территории Витебщины (Городокский, Шумилинский, Полоцкий р-ны) являются обряды, маркирующие начало и конец масленицы (соответственно «Дзед

касцёй падавіўся» и «Баба сырніцай падавілася») [ТМКБ 2: 23–24, 66–68] — эти игровые действия не известны не только в других областях Белоруссии, но и у других славян.

Наиболее интересным в плане этноконфессиональной тематики оказался третий том серии. Отражая профессиональную особенность Гродненского Понеманья (сосуществование в тесном соседстве православной и католической традиций) при описании народного календаря в томе последовательно отмечены различия в верованиях и обрядах православных и католиков; в разделе «Народная проза» в комментариях к опубликованным легендам обязательно указывается профессиональная принадлежность информанта, что в дальнейшем может служить подспорьем в определении степени укорененности того или иного сюжета в контексте «народной Библии» на территории поликонфессиональных регионов.

Впервые появился в этом же томе раздел «Устный народный дискурс», отразивший взгляд народа на мироустройство, представления об истории, конфессиональные взаимоотношения православных и католиков, отношение к христианской вере и вере других народов, народно-этические установки. Публикация такого рода текстов — хороший вклад в изучение этноконфессиональных стереотипов, на которых в значительной степени строится любая традиционная культура.

Значительно усовершенствован справочный аппарат к публикуемым текстам (это касается не только народной прозы, но и образцов песенно-музыкального фольклора). В примечаниях отмечены все зафиксированные на территории области варианты публикуемого текста, с подробным паспортом. При нумерации вариантов одного сюжета используются буквенные индексы, что облегчает поиск определенного сюжета и его версий. Столь подробный комментарий можно только приветствовать, поскольку он закладывает основу для возможных будущих исследований по картографированию фольклорных сюжетов и мотивов белорусской традиции.

Четвертый («Полесский») том представляет культурную специфику региона во всем ее разнообразии. Многие особенности народной традиции Брестщины сформированы ее положением на «перекрестке культур», в результате взаимодействия восточно-польской (подляшской), украинской (волинско-полесской) и собственно западно-белорусской традиций, что дает исследователям богатые возможности для изучения культурных универсалий и локальных раритетов. Поэтому при описании традиционной обрядности чрезвычайно ценными в презентации полесского материала являются указания на близкие и дальние параллели приводимых фольклорных и этнографических фактов. Фиксация

локальных версий общеславянских обрядов делает возможным также наглядно представить неоднородность культурного ландшафта Брестщины. Так, особенностью южных районов области являются одновременно проводимые обряды проводов зимы и закликания весны в последний день масленицы. Только в северных районах известен волочебный обряд (обходы домов в пасхальное воскресенье). Обряд «вождение куста» на Троицу исполнялся в районах, граничащих на юге с волинским Полесьем, где он также известен. Особая отмеченность в народном календаре праздника Чуда (*Цуды*) характерна только для брестско-малоритско-кобринского ареала и также имеет параллель в западнополесской украинской традиции. Характерные черты каменецко-пружанской традиции — купание в открытых водоемах в Чистый четверг, поминание предков накануне масленицы, обливание водой на Пасху — находят соответствия в южных районах Гродненского Понеманья [ТМКБ 4/1: 6–7, 26].

В то же время к некоторым обрядовым текстам явно требуются комментарии (хотя бы лаконичные, на уровне примечаний), особенно когда в общем контексте представлены уникальные факты локальной традиции. Например, среди святочных молодежных забав в Пружанском р-не отмечена игра «Жалівон», имитирующая выбор невесты и сопровождающаяся песней «Едэ, едэ Жалівон, / Едэ, едэ его брат, / Едэ, едэ Жалівонова дружына» [ТМКБ 4/1: 59]. Это местная версия игры «Зельман» («Жельман», «Дзельман»), но интерес и ценность данного свидетельства состоит в том, что эта игра на славянских территориях до сих пор фиксировалась только на территории Подлясья, в окрестностях Люблина, в Мазовии и в западных областях Украины (Покутье, Волинь, Галиция) — т. е. на польско-украинском пограничье [2]. Второй интригующий момент — во всех известных записях «Зельмана» указывается на четкую приуроченность этой игры: масленица и весенний цикл обрядов, включающий исполнение песенок-«гайвок» (веснянок). Таким образом, брестский «Жалівон» являет собой не только единственную на сегодняшний день фиксацию обряда и текста на территории Белоруссии, но и пример «календарного сдвига», которому подвергся обряд.

В томе, посвященном Брестщине, в разделе «Народная проза» появился новый подраздел — «Народная Библия», в котором опубликованы записи фольклорных легенд на ветхо- и новозаветные сюжеты. Введение в научный оборот новых материалов, отражающих «библейский фольклор», крайне актуально по двум причинам. Во-первых, на территории Брестского Полесья в живой традиции сохранились многие сюжеты, утраченные или не известные в других областях Полесья (например,

сюжет о том, почему дети не ходят сразу после рождения). Во-вторых, в повествовательной традиции Брестщины представлены уникальные варианты общеславянских сюжетов (например, сюжет о «собачьем и кошачьем хлебе» (почему раньше колос рос от самой земли, а потом измельчал) связывается с рассказом о библейском Исходе). При возрастающем интересе к изучению локальных фольклорных традиций, при развитии исследований, связанных и классификацией и картографированием фольклорных фактов, публикация новых региональных вариантов очень важна.

Присутствует в «Брестском Полесье» и новый раздел — «Малые жанры фольклора», объединивший заговоры, пословицы, поговорки, загадки, проклятия, благопожелания и др. Тексты такого рода, несмотря на формальную краткость, являются важным этнолингвистическим источником для реконструкции народной духовной культуры, так как зачастую несут в себе «свернутом» виде информацию об архаических обрядах и верованиях.

Разнообразный материал представлен в рубрике «Былички» (раздел «Народная проза») — тут и нечистая сила в облике овечки, барана, теленка, собаки, кота, свиньи (варианты сюжета о чудесной находке, оборачивающейся демоническим существом), и русалки с копытами, и ведьмы, превращающиеся в кошку, жабу, черепаху, и «родственники» вовколаки, являющиеся то отцом, то зятем, то мужем героев рассказа.

Отметим, что народной демонологии Полесья в последние годы особенно повезло в смысле презентации аутентичного материала — в распоряжении фольклористов теперь есть обширные подборки текстов из книг «Брестское Полесье» и «Народная демонология Полесья» [Народная демонология Полесья 2010, 1; Народная демонология Полесья 2012, 2]. При этом материалы этих двух изданий прекрасно дополняют и уточняют друг друга, представляя богатейшую традицию полесской мифологической прозы.

В разделе, посвященном народному ткачеству, который построен на материалах экспедиций и музейных коллекций, дано описание редкого типа обрядовых рушников «з трапкамі», не встречающихся в других регионах Белоруссии и не известных в традиционном текстиле других народов.

Пятый том серии, представляющий традиции Центральной Белоруссии, является первым опытом комплексного фольклорно-этнографического описания современного состояния народной культуры этого региона. Основу тома составили экспедиционные материалы, записанные на территории Минской области в 2006–2010 годах.

Ярчайшей особенностью Центральной Белоруссии как этнокультурного ареала является то, что

данный регион, находясь на перекрестке различных локальных белорусских традиций, во многом аккумулировал черты, присущие для Полесья, Понеманья, Подвинья и Поднепровья. Например, на севере Минской области сохранилась святочная игра «Женитьба Терешки» («Жаньцба Цярэшкі»), характерная для Поозерья (минско-витебское пограничье); в Любанском р-не (юго-восток Минской области) известно «Вождение куста» (как в Западном Полесье); на востоке области сохраняются типично поднепровские ритуалы «перенесения свечи» (коллективное изготовление «братской» свечи и передача ее из дома в дом на определенные праздники), фиксировавшиеся в основном на Могилевщине; запад области отмечен разветвленной пастушеской обрядностью Юрьева дня (аналогично — в брестском Полесье).

Есть в Центральной Белоруссии и свои раритеты. Таковым, например, является микролокальный ритуал проводов «коляда», известный в Березинском р-не (восточная часть области), — «цягнуць Каляду на дуба» (исполняется на второй день после Крещения, 21 января). При этом интересно, что даже в таком небольшой ареале обряд представлен в нескольких вариантах: на дерево затаскивали борону, украшенный сноп, соломенное чучело, изображавшее мужчину, горшок с кутьей. Последний вариант имеет соответствия на Гродненщине, где в Слонимском р-не чугунок с остатками кутьи ставили на дерево — «для неба, для Бога». Мотивация этого обычая такова: «людзі каб крэпкія былі» [ТМКБ 5/1: 85]. В Любанском р-не «коляды» провожали по-своему: 21 января до обеда ничего не делали, а после собирались на гулянье — «Каляду за хвост цягнуць» [ТМКБ 5/1: 85].

Уникальный обряд зафиксирован в Мядельском р-не на севере области. Здесь на праздник Воздвижения «рабілі масьяляк» — устраивали коллективное гулянье с танцами, выпивкой и закуской; основным угощением при этом были «клецки» из толченого мака, конопли, сахара и меда (иногда изготовление их доверяли детям) [ТМКБ 5/1: 314]. В деревне Узла того же района «сабірацца на масьяляк» было принято не на Воздвижение, а на Покров [ТМКБ 5/1: 318]. В соседнем же Вилейском р-не «масьяленік таўклі» на Николу Зимнего, во время девичьих посиделок [ТМКБ 5/1: 333]. Такие пересечения внутри микролокальных традиций чрезвычайно ценны (в том числе и для этнолингвистического картографирования), поэтому следовало бы к примерам подобного рода давать перекрестные отсылки в тексте, чтобы не упустить ценные свидетельства.

По материалам Минской области вырисовывается интересная и разнообразная сказочная традиция. При этом есть все основания говорить о ней как о непрерывной и живой традиции бытования

жанра, поддерживаемой несколькими поколениями талантливых рассказчиков [3]. Тексты фольклорных легенд на библейские сюжеты, вошедшие в этот том, дополняют издание «Белорусская народная Библия в современных записях», подготовленное Е. М. Богановой [Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах... 2010; Мороз 2011: 58–59]. Среди этиологических легенд встречаются редкие сюжеты, например о том, как Бог шивал первых людей: у мужчины остался излишек ниток, а на женщину ниток не хватило — отсюда и различия между мужским и женским полом [ТМКБ 5/2: 389–390]. Данный сюжет не зафиксирован в других регионах Белоруссии, публикуемая запись из Узденского р-на (запад Минской области) пока единственный белорусский вариант сюжета, известного украинцам, полякам и литовцам. Еще один пример фиксации редкого сюжета — запись из Вилейского р-на (северо-запад Минской области): в легенде о происхождении медведя говорится, что в некоей стране был человек, который хотел напугать Бога, и Бог превратил его в медведя, и «в тым царстве цяпер ёсь такая свята, дык усе на тоя свята качаюцца па зямлі <...> усе людзі як ведзьмедзя, гэта такая свята, што пакаціцца трэба» [ТМКБ 5/2: 425–426]. В этом сюжете присутствует отзвук сюжета о «медвежьем» празднике («комоедице») в Бегомльском приходе Борисовского повета Минской губернии, единственное описание которого было сделано в последней четверти XIX века. Таким образом, современный текст может служить подтверждением материалов позапрошлого века (современные Вилейский и Борисовский р-ны находятся недалеко друг от друга).

Народно-мифологические представления Центральной Белоруссии, как и календарная обрядность, аккумулировали мотивы окружающих традиций, и, таким образом, в облике и функциях мифологических персонажей отражены различные микрорегиональные и микролокальные черты. Так, на юго-востоке Минской области, в Любанском р-не (который является переходной зоной между Центральной Белоруссией и Средним (Центральным) Полесьем, русалки выглядят так же, как их центрально- и восточнополесские товарки — это устрашающие существа с железными грудями, обитающие в полях. А в Крупском р-не, который соседствует с Поднепровьем и Подвиньем, описания русалок соответствуют данным из Витебской области — это молодые девушки (тоже иногда страшного облика), качающиеся в лесу на деревьях. Любопытное свидетельство было записано в Пуховичском р-не: здесь русалка оказалась полуптицей-получеловеком (птичьё тело покрыто сивыми перьями, голова женская), летающей с мая по август в потемках, как летучая мышь [ТМКБ 5/2: 480–481]. Такой

«птичий» облик русалок характерен для севера Витебской области [ТМКБ 2: 114].

Заключительный, шестой том представляет юго-запад Белоруссии — традиции Гомельского Полесья и Поднепровья — и базируется на современных полевых материалах (основная часть собрана в 2003–2004 годах, но экспедиции проводились и позднее), охватывающих все районы Гомельской области. Таким образом, в завершающем томе серии (как и в предыдущих книгах) нашла отражение концепция всего издания, ориентированная на комплексное и синхронное изучение состояния белорусской традиционной культуры на переломе XX–XXI веков.

Во введении к «календарному» разделу исследователи отмечают особенность описываемого региона — наличие в нем трех основных зон — Полесской, Северно-Центральной и Поднепровской. При этом каждая из них делится на ареалы (Южный ареал и ареал Мозырско-Припятского Полесья в Полесской зоне; Северный и Центральный ареалы в Северно-Центральной зоне; ареал Посожья в Поднепровской зоне). Особенности и отличия этих зон и ареалов наглядно проявляются именно в народном календаре (системе праздников и обрядов) и календарном фольклоре (музыкальном и прозаическом). Приведем пример: одним из календарных «символов» Полесской зоны на Гомельщине является праздник Чуда (*Цуды*), локально отмеченный также на территории соседней Брестской области (брестско-малоритско-кобринский ареал (см. подробнее в ТМКБ 4) и имеющий параллель в западнополесской украинской традиции. Теперь, когда в распоряжении исследователя находится весь региональный свод, стало возможным не только более подробно анализировать подобные ареалогические параллели, но и ставить вопрос об их типологии.

Особое внимание исследователей направлено на выяснение региональных особенностей обрядов и фольклорных текстов, выделяющих Гомельщину на общеполесском фоне. Так, в зимнем календарном цикле отмечен комплекс щедрования/колядования с игрой «Коза» [ТМКБ 6/1: 62–63, 71–73]; в некоторых юго-восточных районах области известны ритуальные обходы с участием пары маскированных персонажей — Василя и Маланки, не встречающиеся на остальной территории Белоруссии, но широко распространенные на Украине [ТМКБ 6/1: 74]. Устойчивым элементом весенней обрядности Восточного Полесья и Поднепровья являются действия с обрядовым деревцем (*ѐлачка*, *ѐлка*), приуроченные к Вознесению [ТМКБ 6/1: 34]; на востоке Гомельской области устойчиво фиксируются ритуалы, связанные с порицанием неженатой молодежи (*цяганне калодкі*). Редуцированность купальской обрядности в Восточном Полесье приводит к тому, что традиция купаль-

ских костров (сжигание колеса, пускание горящего колеса с горы, прыгание через огонь и т. п.) оказывается приуроченной к пасхальной ночи [ТМКБ 6/1: 194–195]. Празднование Юрьева дня на Гомельщине также имеет яркие локальные особенности — таков «Тураўскі карагод» (обрядовый комплекс, зафиксированный на территории Житковичского р-на — на границе с Брестской областью, [ТМКБ 6/1: 217–220], включающий символически значимые элементы — обход полей со специально испеченным хлебом (*карагод*), который в ходе ритуала поднимали высоко вверх, поворачивались с ним по солнцу; ритуальное молчание по пути на поле и специальные приговоры и песни, исполнявшиеся при обходе полей. Безусловным маркером гомельской весенней обрядности и сегодня является «Ваджэнне і пахаванне стралы/сулы» [ТМКБ 6/1: 231–235]. Этот обрядовый комплекс, как и «Тураўскі карагод», включен в число 11 традиционных календарных праздников, имеющих в Белоруссии статус историко-культурной нематериальной ценности.

Говоря о живом бытовании на Гомельщине многих календарно-обрядовых форм, следует отметить одну особенность. Микроареалы с непрерывной календарной традицией (воспроизводящие архаические ритуалы) часто фиксируются на культурном пограничье (межэтническом, межрегиональном). Таков троицкий обряд «проводов русалки» в деревне Усохская Буда Добрушского р-на (гомельско-брянско-черниговское пограничье) и вознесенский обряд «вождения и похорон стрелы» в деревне Казацкие Болсуны Ветковского р-на (гомельско-брянское пограничье); ритуал украшения на Пасху «каменной девочки» (антропоморфного креста) в деревне Боровое и Данилевичи Лельчицкого р-на (гомельско-житомирско-роуновское пограничье). Эти данные позволяют расширить наше представление об ареальной структуре лингвокультурного пограничья и дают интересный материал для картографирования фактов традиционной духовной культуры.

Концепция всей серии предполагает подачу всего фольклорно-этнографического материала комплексно: описание акционально-вербального кода любого обрядового действия сопровождается примерами музыкального и песенного сопровождения (тексты и нотации). Этот принцип крайне важен, потому что в целом ряде случаев именно в мелосе отражаются локальные особенности того или иного обряда. Так, в контексте погребального обряда определяющим является тип голошения: для трех районов области (Житковичского, Калинковичского и Мозырского) характерен песенный тип; на остальной территории Гомельщины распространены напевный речитатив. Эта особенность

становится важным идентифицирующим признаком, осознаваемым носителями традиции, которые сразу отличают «свой» обряд от обряда жителей соседнего района [ТМКБ 6/1: 433].

Чрезвычайно насыщенными оказались разделы, посвященные народной прозе, народным верованиям и заговорам. Легенды, предания, былички, лечебно-магические тексты показывают, с одной стороны, как на территории Гомельщины осваивается корпус общих для белорусской (и шире — восточнославянской) традиции сюжетов и мотивов, а с другой — какие специфические черты имеет мифопоэтическая традиция региона. Традиция восточных районов Гомельской области (так же как Витебской и Могилевской) — это традиция во многом «пограничная», что и составляет её своеобразие. Именно поэтому не кажется инородным включением в раздел быличек рассказов о доброхожих из Красногорского и Новозыбковского районов Брянской области [ТМКБ 6/2: 671–676] — как уже неоднократно отмечали исследователи, этот мифологический персонаж является «визитной карточкой» белорусско-русского пограничья, и наличие текстов как с русской, так и с белорусской стороны помогает адекватно представить ареал бытования единого комплекса поверий о нем. Интересные параллели с соседней черниговской традицией дают легенды, записанные на территории Лоевского (о происхождении ежа из потерянного человеком пасхального поросенка [ТМКБ 6/2: 590] и Гомельского районов (о происхождении твердокаменного гороха [ТМКБ 6/2: 612]).

Важной составляющей раздела, посвященного традиционному народному текстилю, стала подборка устных рассказов о практике изготовления обыденных тканых предметов (рушников, полотна) с описанием сопутствующих ритуальных действий [ТМКБ 6/2: 1182–1215]. Как показывает материал, исполнение этого одного из самых архаичных славянских обрядов на Гомельщине довольно долго оставалось живой традицией, рассказчики вспоминают случаи изготовления обыденного полотна (по обету, в связи со стихийными бедствиями, болезнями и т. п.) вплоть до 1950-х годов. Показательно, что ритуал сохранял устойчивую структуру (половозрастное распределение ролей при изготовлении и перенесении полотна в церковь, на кладбище, на перекресток и т. п.), архаические элементы (вытыкание полотна на воротах вместо кросен) и сочетался с другими формами обетной магии (изготовление обыденных деревянных крестов).

Хочется от души поздравить коллег с завершением работы над уникальным сводом данных по традиционной культуре Белоруссии и поблагодарить за бесценный подарок — в научный оборот введен ценнейший материал, который может

стать основой для новых фундаментальных работ по белорусскому фольклору и народному творчеству, способствовать сохранению исторической памяти и повышению интереса к неиссякаемым богатствам народной культуры. Региональная серия, задуманная и успешно осуществленная белорусскими коллегами, уже стала источником для фольклористов, этнографов, этномузыкологов, этнолингвистов. Она дает представление о важнейших проявлениях народной художественной культуры белорусов, воплощенных в традициях разных регионов страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее при ссылаках на издание будет указываться его сокращенное название — ТМКБ, номер тома и книги, страницы.
2. См. обзор версий: Бартминьский Е. Весенняя игра «Жельман»: пример паратекста с польско-украинского пограничья // Живая старина. 2008. № 4. С. 2–5.
3. В нашем журнале были опубликованы некоторые материалы из этого региона: Боганева Е. М. Мастерство классического сказительства: Лидия Михайловна Цыбульская // Живая старина. 2011. № 2. С. 5–8.

ЛИТЕРАТУРА

- Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / Уступ. артыкул, уклад. і камент. А. М. Боганевай. Мінск, 2010.
- Боганева Е. М. Мастерство классического сказительства: Лидия Михайловна Цыбульская // Живая старина. 2011. № 2.
- Дмитриева С. И. Традиционное искусство русских Европейского Севера. Этнографический альбом. М., 2006.
- Мороз А. Б. Белорусская «народная Библия» // Живая старина. 2011. № 1.
- Капанци. Бит и култура на старото българско население на Северозточна България. Этнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Каргополье. Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2009.
- Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
- Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997.
- Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2010.
- Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 2. Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2012.

Народная культура Русского Севера. Живая традиция. М., 1999. Вып. 1.

Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.

Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.

Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1: Народная медицина беларусаў Падзвіння / склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. Наваполацк, 2006. Ч. 1, 2.

Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. Наваполацк, 2011. Ч. 1, 2.

Родопи. Традиционна народна духовна и соционормативна култура. София, 1994.

Русские Рязанского края / отв. ред. С.А. Иникова. Т. 1, 2. М., 2009.

Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. / отв. ред. И.В. Власова. М., 2004.

Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4 (П–С). М., 2009.

Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993.

Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.

ТМКБ — Традиційная мастацкая культура беларусаў. Мінск, 2004.

Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 1: Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост. А.Н. Каракулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. К.Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2013.

Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 2. Ч. 1.: Фольклор Ковернинского района Нижегородской области / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова. Нижний Новгород, 2013.

Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 2. Ч. 2.: Фольклор Ковернинского района Нижегородской области / сост. Ю.М. Шеваренкова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова; под общ. ред. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 2013.

Институт славяноведения РАН.
Поступила в редакцию 16.03.2014 г.

UDC 811

**REGIONAL BATCH
“TRADITIONAL ARTISTIC CULTURE OF BYELORUSSIANS”**

O. V. Belova

The review gives a concrete analysis of regional batch “Traditional artistic culture of Byelorussians”, which has a tradition of historical and cultural region in complex lighting. Unique of such edition is consisted in the authors attempt to reconcile the volume picture of regional worth and originality of the main types of traditional culture in its authentic forms, to show public culture of Byelorussians as a life tradition.

KEY WORDS: traditional art culture, Byelorussians.